

полностью сосредоточена на деталях. Ученый, подобно бродячему цирковому акробату, кочует на бескрайних просторах исследовательской деятельности, останавливаясь то тут, то там. Дифференциация познавательного интереса при этом как бы воспроизводит действительное разнообразие практик, в которые сегодня могут быть вовлечены ученые. Описание каждой отдельной практики может рассматриваться в виде своего рода портрета определенного исследовательского поля. Поля могут быть похожи, могут даже частично или полностью совпадать по содержанию, хотя и факт совпадения полей не влечет за собой совпадения добываемых на этих полях полезных эффектов. Очевидно только, что ни одно поле не исчерпывает собой реальность в целом. Нельзя также утверждать, что какое-то поле более реально, чем все остальные. Метафорически можно определить современную науку как некое бесконечное путешествие от одного поля к другому. Она размечает пути, ведущие к конкретным технологическим эффектам, и в этой направленности обнаруживает специфический исследовательский интерес. Подлинное существование полей удостоверяют постоянно возникающие сдвиги и изменения в нашем повседневном существовании.

Границы научности оказываются границами определенной формы жизни. В этой форме наука дана каждому человеку в ощущении. Ее присутствие является чем-то само собой разумеющимся, частью быта. Быта настолько прочного, что он не нуждается в защите. Его можно атаковать, только обладая сопоставимым уровнем развития науки. А это значит, принимая ту же форму жизни. Недовольным остается только наблюдать за праздником, все больше и больше обнаруживая собственную несостоятельность. Что ж, их право. Одно можно сказать точно. В нормальной науке не бывает революций.

Виктор Вахштайн*
Коварный вопрос
о границах в науке

Вопрос «Чем отличается наука от не-науки?» коварен. Как часто бывает в эпистемологии, здесь все дело в интонации. В одном прочтении этот вопрос означает: «Чем наука отличается от искусства, политики, религии или коллективно-употребления наркотиков?». В другом: «Чем наука отличается от лженауки, паранауки, псевдонауки, антинауки?».

* Виктор Вахштайн, кандидат социологических наук, декан факультета социологии политологии МВШСЭН, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ

Второе прочтение меня не занимает. Операция обличения и разоблачения — достояние занятия политикой, одержимого

идеями устранения одних конвенций для утверждения других, но сама она к науке отношения не имеет. Проводить такие различия (наука / лженаука) можно только извне региона научности.

Первый же вопрос — это классический вопрос о демаркации первого порядка. Есть еще и демаркация второго порядка: «Чем моя наука отличается от остальных?». Те теории, которые делают акцент на демаркацию науки и не-науки, гораздо спокойнее относятся к дисциплинарным границам (знаменитая веберовская лекция дает нам ответ на вопрос о специфике научного знания, но не о специфике знания социологического). И наоборот. Акцент на демаркации второго порядка («социология — это совокупность специфических практик, которые с социологами не разделяют другие агенты») делает менее значимым поиск основания границ научности как таковой (и тогда, например, отличия между наукой и политикой не остается).

Я ограничусь в этом вопросе банальностью. Наука — это совокупность языков. И социология — один из них.

В последние годы в мировой социологии разгорелось несколько споров, поставивших под сомнение одновременно демаркацию первого и второго порядка. Первая линия фронта: действительно ли социология является наукой об обществе? Это нормальное для зрелой дисциплины переопределение своего объекта. (Напомню, что психология поначалу тоже мыслила себя как «наука о душе».) И здесь — от Н. Лумана до Дж. Урри — мы находим целый спектр оригинальных теоретических высказываний как «за», так и «против». Вторая линия фронта: спор о социологизме. Должна ли социология следовать дюркгеймовской максиме в объяснении социального социальным? И вновь — в недавних работах Б. Латура, Дж. Ло, С. Фухса и У. Шеррока — мы видим, как проблематизируются в прошлом аксиоматические основания дисциплины. Две эти линии фронта не связаны никакой скрытой «траншеей». Против идеи социологии как науки об обществе, например, высказываются законченные социологи, и наоборот.

В последние годы оба эти спора затронули отечественную социологию, традиционно погруженную в меланхоличное пережевывание тем трансформации, стратификации, «постсоветского» человека и советского наследия. В ней началось обособление диалектов, которые — как свойственно молодым языкам — конкурируют за возможность максимально точного, тонкого и насыщенного описания мира.

Александр Морозов**
Лженаучным теориям
может противостоять
только включение сообщества
в общемировой контекст

В англо-саксонской и французской традициях различается то, что называется словом science, или точные науки (математика, физика и те науки, которые на них базируются), и остальные области знания. Они тоже называются наукой, но уже не в смысле science, а в смысле некоторого организованного знания.

Важным критерием в общественных науках является то, что существует некая среда, которая имеет определенную традицию аргументативных практик и владеет аналитическими техниками применительно к своей сфере знания. Именно эта среда определяет и переосмысливает границы своей собственной науки. Таким образом, границы научности постоянно переопределяются, и это нормальный процесс.

Сейчас борьба за границы между дисциплинами потеряла былую остроту и актуальность. Но во второй половине XIX века, в эпоху расцвета позитивизма, подобные разграничения были предельно важны. Когда Лиотар описывал позитивистскую науку, то говорил о том, что научность требовала тотальной рубрикации. Учебник по истории любого народа писался так, что все события в нем были, как вещи в комод — в выдвижных ящиках; обязательно все начиналось с экономических условий, потом шли политические дела, в заключение — культура. Аналогично классифицировались и другие науки.

Сегодня господствует совершенно иной взгляд. После 1960-х, после Ф. Броделя и «Школы Анналов» важными стали именно междисциплинарные исследования и история повседневности. Ученый стал понимать условность жесткого дисциплинарного деления по отношению к материалам, связанным с существованием человека в разных исторических периодах.

Сейчас мы находимся в моменте трансформации или эрозии академического и университетского знания. Под вопросом находится существование научных школ. В конце XIX и в первой половине XX века в научной школе имелся некий ремесленнический момент: теоретическое знание передавалось от учителя ученику, был длительный процесс обучения, ученик находился при учителе 20–30 лет и даже до самой смерти. В конце XX века из-за изменений в организации научного процесса начались серьезные перемены: учени-

** Александр Морозов, политолог, блогер amoro1959

ки стали уходить быстрее, научные школы — исчезать.

Стал снижаться общественный статус научной школы. Пока нельзя точно сказать, почему это происходит. Идет процесс, результат которого неизвестен. Но несомненно, что большую роль здесь играет повышение информационной связности мира, постоянное увеличение скоростей производства информации.

Рост научных публикаций пошел по экспоненте, их производство превратилось в колоссальный конвейер, при этом зачастую трудно оценить, какой процент из них является «копи-пастом».

Но остаются те, кто пытается сохранить традицию, фундаментальные требования к качеству наук. И это значит, что сохраняется борьба за представление о научной качественности внутри дисциплин.

Прежде предполагалось, что академические институты будут являться некими рубежами, определять уровень требований и транслировать традицию качества. Но сейчас это уже совсем не так. Хотя, безусловно, границы должны задаваться существующими научными центрами.

Многие сейчас кричат о проблеме популяризации научного знания. На мой взгляд, популяризация не содержит в себе ничего предосудительного. В некотором смысле она является естественным продолжением научной деятельности, потому что результаты, достигнутые внутри фундаментальной науки, должны транслироваться в общество. Здесь не происходит переопределения границ научного знания. Существует, конечно, альтернативная гуманитарная сфера, новая мифология, которая распространена не только у нас, но и по всему миру. Но лженаучным теориям может противостоять только включение сообщества в общемировой контекст.

Сейчас возникло представление о коллективной памяти, о коммеморации (функционирование памяти сообществ). Память сообщества устроена определенным образом: что-то вытесняет, а что-то осмысливает или домысливает. Историк должен оставаться на почве исторической — если не объективности, то, по крайней мере, корректности. Он пытается максимально полно создать картину прошлого, но остается неизбежно ангажированным своим временем и своим положением в обществе.

Какую роль в вопросе границ научности должно играть государство? Оно должно персонально приветствовать гуманитарные научные достижения определенного уровня так, как оно это делает по отношению к искусству. Остается надеяться, что такие курьезы, как Петрик, будут случаться редко.